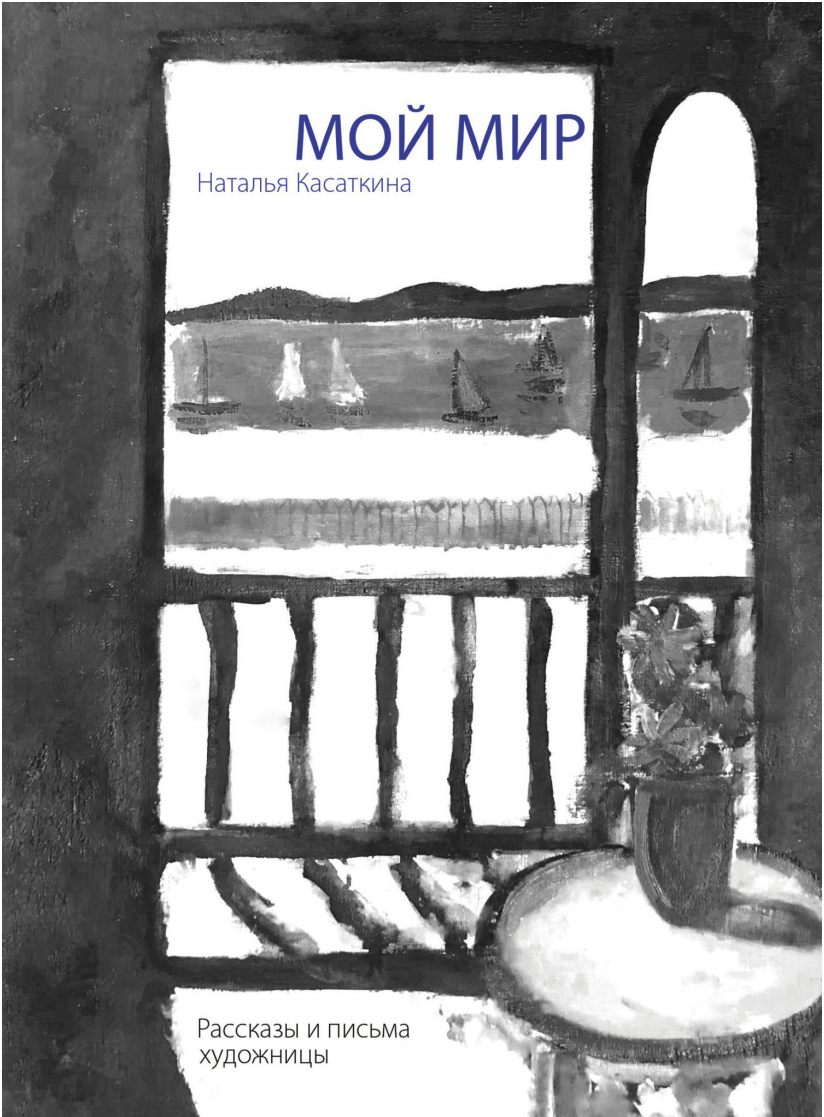
МОЙ МИР

Наталья Касаткина



Рассказы и письма
художницы

Наталья Касаткина
Мой мир: рассказы и письма художницы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67315097
Мой мир: рассказы и письма художницы. / Наталья Касаткина: Грюндриссе; Москва; 2020
ISBN 978-5-904099-36-7

Аннотация

Первая книга художницы Натальи Александровны Касаткиной (1932–2012), которая находилась – благодаря семье, в которой родилась, обаянию личности, профессионализму – всегда в «нужном месте», в творческом котле. (Круг её общения – Анатолий Зверев, Игорь Шелковский, Владимир Слепян, Юрий Злотников, Эдуард Штейнберг, Леонид Енгибаров, Ирина Ватагина…)

Так в 1956 г. она оказалась на встрече с Давидом Бурлюком в гостинице «Москва» (вместе с И. Шелковским и В. Слепяном). После участия в 1957 г. в молодёжной выставке попала на первую полосу культового французского еженедельника Les Lettres Francaises – её работа была среди тех, которые понравились Луи Арагону. Много работала в театрах, в 1960–1970-х – на телевидении. В самом начале

1980-х занялась иконописью. А затем всё бросила, купила дом в живописнейшем месте российской глубинки, мечтала сосредоточиться на огородничестве и иконописи.

В 2002 г. Наталья Касаткина упала, сломала шейку бедра, лишилась возможности передвигаться. В этот период её жизни и были написаны рассказы, вошедшие в настоящий сборник, которые едва отличимы от воспоминаний, дневниковых заметок.

Публикуем также письма Н. Касаткиной к многолетней подруге, художнице Любови Поповой (1965–1982 гг.) и переписку с сокурсником по Московскому художественному училищу памяти 1905 года Игорем Шелковским (1981–2012). В этих письмах – полная палитра жизни: многочисленные следы бытовых деталей эпохи, впечатления от нашумевших спектаклей и выставок, формулировки жизненных позиций.

Составитель: Надежда Гутова.

Содержание

Всё не так 9
Мой мир 19
Как получилось, что я стала графоманом 23
I. Довоенное детство 28
Начало жизни. Первая любовь 28
Обманы 29
Грибная очередь 30
Доктор Соколов 33
Две колыбельные 34
Меняю Ленинское на Сталинское 35
Про моего дедушку 37
В те годы… 44
Один рубль 46
Бусы 48
Чудо 51
Мы едем к папе 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Наталья Касаткина
Мой мир: рассказы и письма художницы

Составление:
Надежда Гутова

Подготовка текста:
Александра Гаганова, Надежда Гутова

Издание осуществлено при финансовой поддержке галереи «Тираж 1/1» (Tirage Unique).
Благодарим создателя галереи Ольгу Егармину

ООО «Издательство Грюндриссе»
e-mail: info@grundrisse.ru
http://www.grundrisse.ru

© ООО «Издательство Грюндриссе», 2020

Наталья Касаткина. Ок. 1970

Михаил Алшибая (р. 1958), кардиохирург, доктор медицинских наук, профессор, коллекционер произведений современного искусства. Член секции критиков и искусствоведов Московского союза художников с 2004 г.

Осенью 2014 г. Михаил Алшибая и художник Игорь Шелковский – однокурсник Натальи Касаткиной (1932–2012) по театральному отделению Московского художественного училища памяти 1905 года (в наст, время – Московское государственное академическое училище, МАХУ) – поехали во Владимирскую область, в село Погост Старый Никола (в котором прожила Касаткина последние 20 лет своей жизни), чтобы спасти её работы. Из деревенского дома было вывезено несколько сотен произведений живописи и графики. Многие работы нуждались в реставрации.

В декабре 2015 г. в Москве удалось организовать выставку Натальи Касаткиной. Выставка стала возможна не только благодаря воле и энергии Алшибая и Шелковского, – наследие Касаткиной сохранилось, в первую очередь, стараниями Ирмы Филипповой – постоянной собеседницы, ближайшего друга и сиделки художницы в последние годы.

Единственная персональная выставка Натальи Касаткиной называлась «Всё не так».

Ниже воспроизводим текст М. Алшибая из каталога к этой выставке, который редакция решилась сопроводить небольшим эпиграфом.

Всё не так

Я люблю «неудачников», т. е. удачников по большому счёту.
Из письма Н. Касаткиной к Л. Поповой от 15 июня 1982

Наташа Касаткина, по свидетельствам тех, кто её хорошо помнит, была невероятно умным и привлекательным человеком. Я слышал рассказы о ней от Заны Николаевны Плавинской, Николая Всеволодовича Котрелёва, Юрия Савельевича Злотникова, Игоря Шелковского, и все они говорили о Наташе очень тепло. Шелковский и Злотников дружили с ней ещё в далёкие 50-е годы. Наташа происходила из семьи «творческой интеллигенции»: отец – писатель, мама – театральный художник, работавшая когда-то с В. Э. Мейерхольдом[1]. В доме (он находился на территории Литературного института на Тверском бульваре) собирались художники и поэты[2]. В детской художественной школе Наташа занималась вместе с Анатолием Зверевым, а с Шелковским училась на театральном отделении Училища памяти 1905 года. В 1966 году Зверев сделал несколько акварельных портретов Наташи. Вместе с Шелковским и Владимиром Слепяном Наташа посетила Давида Бурлюка во время его приезда в Москву в конце 1950-х[3]. Но как-то всё не складывалось в жизни.

Отец был дважды репрессирован, позже они с мамой разошлись. Личная жизнь тоже не налаживалась. Брак Наташи с художником Александром Харитоновым быстро распался после одного трагикомического эпизода[4].

Наталья Касаткина среди рисунков А. Зверева

Но вот какой удивительный случай произошел весной-летом 1957 года. В апреле в Москве открылась крупная художественная выставка: «Третья выставка молодых художников Москвы и Московской области». В ней приняли участие более 500 художников, был издан каталог. Выставку посетил

знаменитый французский писатель Луи Арагон, и она произвела на него большое впечатление. Очевидно, Арагон почувствовал в экспозиции новые свежие веяния в тогдашнем советском искусстве, а ведь это происходило ещё до начала Всемирного фестиваля молодёжи, открывшегося в Москве 28 июля того же года, где наши художники впервые непосредственно увидели, что происходит в современном западном искусстве. В июльском номере знаменитого парижского еженедельника *Les Lettres Francises,* главным редактором которого на протяжении 20 лет был Арагон, он публикует большую статью «Новое в советском искусстве?». Именно так, с вопросительным знаком. В качестве иллюстрации Арагон помещает репродукции произведений нескольких, ещё молодых тогда авторов. Среди них работы художников, ставших впоследствии известными, даже знаменитыми: Андрея Васнецова, Таира Салахова, Олега Целкова.

Рисунки Анатолия Зверева, среди которых портреты Н. Касаткиной.

Москва, квартира Натальи Георгиевны Артоболевской. Кон. 1990-х

Но среди авторов воспроизведённых Луи Арагоном вещей есть и имена, которые сегодня в значительной степени или полностью забыты. Одно из таких имён – Наталья Касаткина. В нормальном обществе подобная публикация, бесспорно, явилась бы очень важным моментом творческой биографии художника, должна была способствовать его известности, принести славу. Но что произошло в действитель-

ности? Выставку посетили не только Луи Арагон и зрители. 22 мая 1957 года «искусствоведы в штатском» из Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС составляют «Записку…» с жесткой идеологической критикой содержания выставки. Вот некоторые цитаты из этого документа: «Наряду с отдельными удачными работами выставка в целом по общей направленности и своему идейно-тематическому уровню вызывает серьёзные возражения», «выставка свидетельствует о наличии серьёзных недостатков в идейно-политическом воспитании молодых художников, об оживлении в их творчестве нездоровых тенденций», «вместо поисков своего индивидуального почерка авторы пытаются подражать буржуазному упадочному искусству с его кривляньями». Ну, и так далее.

SOVIÉTIQUE ?

Suite de l'article d'ARAGON

S. TOUTOUNOV. — Par la fenêtre du wagon

BAJBEOUK. — Femme sculpteur

VASNETSOV. — Nature morte

VASTNETSOV. — Nature morte

KASSATKINA. — Nature morte

Еженедельная газета *Les Lettres Francises* со статьёй Луи

Арагона «Новое в советском искусстве?» (11–17 сентября 1957, № 679, 7-я полоса)

Вновь всё не так! Казалось бы, такая редкая удача: из полутора тысяч работ выставки Арагон выбрал для воспроизведения 12 вещей, и среди них – работу Касаткиной, но всё бессмысленно. Если сравнить текст арагоновской статьи с текстом «Записки», нетрудно заметить: именно те вещи и художники, которые привлекли Арагона, неприемлемы для функционеров ЦК партии.

С середины 60-х годов Наталья Касаткина работала художником на телевидении, участвовала в оформлении телевизионных передач и телеспектаклей, выполняла самую разную работу. А параллельно продолжала заниматься собственным, «независимым» творчеством. В её работах совершенно очевидно сильное увлечение французской живописью начала XX века. Главные «герои» Касаткиной – Матисс, Сезанн, она создаёт своеобразные «оммажи», как сейчас говорят, и Ван Гогу, Дерену, Вламинку. Много работ сохранилось благодаря друзьям художницы, в частности Ирме Филипповой. Игорь Шелковский настоял на том, чтобы мы с ним вывезли картины Наташи из деревенского дома Владимирской области, где она прожила последние 20 лет своей жизни, и где они просто могли погибнуть. Интересно отметить: почти все «творческие» работы Касаткиной не подписаны и не датированы. Создаётся впечатление, что она пи-

сала их исключительно «для себя», даже не рассчитывая на какие-то выставки или признание. Возможно, история с публикацией во французском журнале и последующие события сыграли в этом свою роль. Её продолжали преследовать мелкие неудачи: как-то раз забравшиеся в квартиру (это было ещё в Москве) мелкие воришки или просто хулиганы испортили часть работ малярной краской.

Наташа умерла в 2012-м году, в возрасте 80 лет. Её могила находится в полусотне метров прямо напротив окон дома, где она провела последние годы жизни, на огромном кладбище деревни, которая так и называется: Погост Старый Никола. Пьяные резчики допустили ошибку, неверно вырезав православный крест её надгробного камня, так что памятник пришлось установить надписью в другую сторону. И в этом Наташе не повезло! Зато рядом с кладбищем старинная церковь в Суздальском стиле, на стенах которой большая фреска, по колориту и некоторым фигурам напоминающая фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре, – последняя работа Натальи Касаткиной[5]. А ещё сохранилось много замечательных рассказов, написанных Наташей: она явно не была обделена и литературным даром. Ну и, к счастью, сохранились картины.

Михаил Алшибая

Печь в доме Н. Касаткиной. На печи – её натюрморт (1980-е; холст, масло).

Погост Старый Никола. 2000-е. Фото Ирмы Филипповой

Мой мир
Рассказы

… в электричке читал твои рассказы.

С большим удовольствием: текст прозрачный (но не легковесный), красочный, свежий, читается легко, интерес не пропадает. Ещё, пиши ещё.

Из письма Игоря Шелковского к Наталье Касаткиной

Всё неравноценное, всё разное в моих тетрадках, но объединяет, может быть, одно – жизнь, пирог многослойный.

Наталья Касаткина

Архив Натальи Касаткиной, сохранённый Ирмой Филипповой, содержит несколько рукописных тетрадей с рассказами художницы.

Наталья Касаткина стала писать прозу в последние 7–8 лет своей жизни, с середины 2000-х годов, когда оказалась без движения. И подобно тому как она раньше не подписывала и не датировала холсты, так и тексты, за редким исключением, не датированы.

Эти рассказы едва отличимы от воспоминаний, дневниковых заметок. Но личность автора, выбор сюжета, точный глаз художника, умение удивляться вроде бы обыденному преобразуют предельно простые события и наблюдения в художе-

ственную прозу. Иногда автор отталкивается от одних и тех же событий, но помещая их в разные «рамки», рассказывает непохожие истории. И эти кочующие по текстам сюжеты являются ещё одним притяжением для читателя. И хотя герои этих рассказов – реальные персонажи, среди которых не только домочадцы, но и люди известные (например, Михоэлс, Мельников, Гамзатов), и всё происходит в конкретных обстоятельствах, редакция воздержалась от комментирования имён и событий этой части книги именно в силу её художественности.

Подавляющее большинство рассказов публикуется впервые.

Структурная композиция книги и названия частей принадлежат редакции издания.

Вид из окна дома Н. Касаткиной. Погост Старый Никола. Лето 2020

Как получилось, что я стала графоманом

Всё-таки если подумать, во всём можно найти что-то хорошее. Я вспоминаю рассказ о девочке, которой по жребию из гуманитарной помощи достались костыли вместо куклы, о которой она мечтала. Но отец научил её во всём искать хорошее. И она нашла: «Я радуюсь тому, что эти костыли мне не нужны!» Вот и я стараюсь всему радоваться.

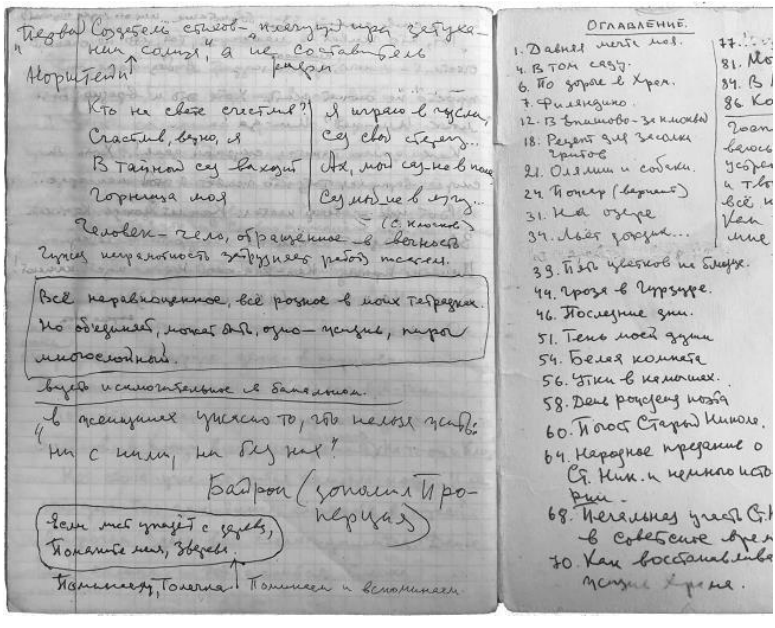
Казалось, чему тут радоваться? Ведь лежать полгода на спине с переломами – не такое уж весёлое дело. Зато можно читать с утра до вечера (а это мало кто может себе позволить). И я с головой окунулась в мир давно полюбившихся образов Диккенса. Я совершала подчас нелепые, но такие милые поступки вместе с мистером Пиквиком, острила вместе с Сэмом Уэллером, страдала и радовалась вместе с Флоренс и Крошкой Доррит, запускала огромных бумажных змеев вместе с мистером Диком. Диккенс протянул мне руку помощи. Я не расставалась с ним в первые два года болезни. На третий год я поняла, что переборщила с чтением лёжа, и зрение резко ухудшилось. Читать было трудно, а писать легче. Пришлось переходить на графоманство. Теперь уже вижу, что ходить мне трудно, а сидеть и писать легче. Вот сижу и пишу, всё-таки занятие.

Один знакомый навёл меня на мысль: писать воспомина-

ния. Он подарил мне общую тетрадь. На последней страничке красивым мелким почерком было написано пожелание заносить в эту тетрадь «черепки» и «осколки» своих воспоминаний. Мне эта мысль понравилась. Я всегда любила и собирала всякие черепки и осколки. В детстве мама каждый вечер выгружала из моих карманов целую кучу черепков и осколков разноцветного стекла. Она не верила, что со временем из них можно будет построить прозрачный сверкающий дворец. А жаль. Я так мечтала об этом!

И вот я пустилась в плавание «без руля и без ветрил».

Поскольку я не знала правил настоящего графоманства, выработала свои.



Фрагмент разворота одной из тетрадей Н. Касаткиной. Авторская рукопись

Ещё полупроснувшись, утром, я начинала рыхлить засохшую землю своей памяти, выуживая оттуда черепки и осколки и прочие археологические ценности. На это уходило некоторое время. Но это меня не смущало: я всегда любила поваляться. А теперь-то кто меня осудит? Когда моя совесть всё-таки побуждала меня подняться, я поднималась. И начинала сеять.

Первым делом я начинала спешно царапать тупым карандашом по бумаге, боясь забыть накопанное ранним утром. Проходило некоторое время, пока посеянное начинало пускать ростки, зацветать и колоситься. И вот тогда начиналось самое приятное в графоманстве. Я доставала общую тетрадь и переписывала в неё то, что наиболее удачно отплодоносило, безжалостно отбрасывая сорняки. Вот и всё. Но, может быть, когда-нибудь произойдёт чудо, и глаза мои снова обретут былую орлиную зоркость. Тогда я перейду обратно из графоманов в читатели. И ещё спою вместе с симпатичным персонажем Диккенса из «Рецептов доктора Мериголда»:

Знобки-ознобки,
Ну и мороз!

Наталья Касаткина с родителями – Агнией Александровной и Александром Никаноровичем. Москва. 1934

I. Довоенное детство

Начало жизни. Первая любовь

Первое моё впечатление от этого мира было не из приятных. Помню себя ползущей по бескрайней белой равнине. Я не просто ползу, но в ужасе уползаю от страшной опасности, которая гонится за мной по пятам и при этом старается влить мне в рот что-то отвратительное, горькое.

Как я потом узнала, у меня в 2 года была малярия. Видимо, опасность, которая за мной гонялась, была маминой рукой с ложкой хины.

Следующим запомнившимся мне фактом жизни было знакомство с неким Гришей. На голове у Гриши был красный вязаный колпачок с большим помпоном. А на шее под воротником пальто был такой же шарф с завязанными сзади концами. За эти концы Гришу водили, он ещё учился ходить. Под носом у Гриши постоянно блестели две сопли. Я очень восхищалась Гришей и даже сочинила про него песню. Но об этом – молчок. Это слишком личное…

Обманы

Моя мама иногда обманывала меня в детстве. Я этого не знала и всему верила. Например, она как-то принесла мне кукольный зеркальный шкаф, когда я болела, и сказала, что это подарок от доктора Айболита. И что он велит мне хорошо слушаться и принимать лекарства. Понятно, что мне было гораздо приятнее получить этот шкаф от доктора Айболита, чем просто от мамы. И я стала хорошо принимать лекарства и слушаться. И вскоре выздоровела.

А ещё я очень любила разглядывать свои болячки и синяки. И очень при этом любила, чтобы все меня жалели. Но у мамы было мало времени на это. И она выдумала для меня Ивана Трофимовича. Она мне сказала, что знает одного человека, Ивана Трофимовича, который тоже любит разглядывать свои болячки. А также любит, чтобы все его жалели. Она предлагала его позвать, чтобы мы вместе всё разглядывали и жалелись. Но я была очень стеснительная и стала бояться, что мама и вправду его позовёт. Поэтому как только мама кричала: «Иван Трофимович, иди к нам!» – я тотчас же прекращала это саможаление. Так мама отучила меня от дурной привычки. Значит, иногда и обманы идут нам на пользу!

Грибная очередь

Вот бабочка слегка
Крылышками дрогнула,
Что грезится тебе?

Японская поэзия

Летом наш детский сад выезжал на дачу. Мама, собирая мои вещи, нашла, что у меня нет нарядного платьица, всё какие-то домашние «кулёмки», сшитые моей бабушкой-самоучкой. И вот мы пошли в детское ателье заказывать мне настоящее платье. В ателье было интересно. Там стояли детские столики и стульчики. На столиках лежали книжки с яркими картинками. Дети с важным видом просматривали эти картинки. Я тоже сделала важный вид и села за столик. Когда подошла наша очередь, с меня сняли мерку и обещали быстро выполнить заказ. Мама заказала два платья – ей понравились два образца ткани. Но платья к сроку ещё не были готовы, и мама обещала дослать их посылкой.

Наталья Касаткина. Ок. 1936

А у нас на даче готовилось представление. Сценой была настоящая полянка, окружённая большими деревьями. Наша малышовая группа тоже участвовала. Правда, роли у нас были без слов. Мы были, скорее, не актёры, а часть декорации. Мы изображали грибы и должны были просто стоять под деревьями. Я была красненькой сыроежкой и очень волновалась. Ведь это было моё первое в жизни выступление на сцене! Зрители, местные ребятишки, уже целый час сидели на скамейках и сгорали от нетерпения.

Мы уже надели «костюмы», то есть картонные шляпы, отдалённо напоминающие шляпки грибов, как вдруг мне приносят посылку из Москвы. Там оказались два платьица: одно в красно-белую полоску, другое – с земляничками. Но больше всего меня обрадовали не сами платьица, а их запах. Они пахли моей мамой! Мама надушила их своей «Красной Москвой». Я радостно закричала: «Ой! Мне прислали платья, а они пахнут моей мамой!» Дети зашумели и стали толпиться вокруг меня, стараясь тоже понюхать. Пришлось задержать начало спектакля. Руководительница выстроила детей в целую «грибную» очередь. Подходили ко мне по одному «грибу», важно нюхали и шли на сцену. А когда очередь кончилась – начался спектакль. Какое всё-таки счастливое время – наше детство!

Доктор Соколов

В детстве меня лечил очень славный доктор, доктор Соколов.

Один раз мы шли к нему на приём, а по дороге нам встретился продавец воздушных шариков. Я пристала к маме, и она купила мне несколько. Так мы и вошли с шарами в кабинет доктора. Пока шёл приём, доктор поместил шарики под стол, но не догадался их привязать. Вот они взяли и улетели под потолок. А потолок был высокий. Доктор даже не рассердился, а сам залез на стол и щёткой достал мои шарики. Он добродушно посмеялся над этим приключением, чем окончательно пленил моё сердце. Когда мы вышли, я доверчиво сказала маме: «Какой всё-таки он милый, этот доктор Соколов, как я его люблю, и как мне хочется его расцеловать!» Но моя мама оказалась предательницей. И когда мы пришли в следующий раз к доктору Соколову, она взяла и передала ему наш разговор. Я ужасно покраснела и закричала: «Неправда! Это она сама так говорила!» Тут уж покраснела и моя мама. И мы вышли от доктора Соколова обе красные, как свёклы.

После этого случая мы с мамой немного посердились, а потом снова зажили дружно. Ведь мы же очень любили друг друга.

Две колыбельные

Я запомнила песенку, которую пела нянюшка моей бабушке ещё в конце XIX века. Я слышала её в бабушкином исполнении. Вот она.

Ты выспишься, да не курепкашься,
встанешь поутру – умоешься,
будто золото яичко покатишься.
А люди-то спросят: «Это чья же та така?»
А нянюшка скажет: «Это – Ниночка моя».

А вот песня, которую пела моя няня Марья Никитишна через 50 лет, в 30-е годы XX века:

Ленин-Ленин-Ленин,
а за ней Калении,
а за нею – Троцкей
едут в Кисловоцкей

Меняю Ленинское на Сталинское

Только раз в жизни в далёком детстве мне довелось увидеть, что такое языковая колбаса. Я училась тогда в приготовительном классе. Завтраки в школу мы приносили с собой. Обычно мама давала мне хлеб с плавленым сырком. И вот как-то раз бабушка купила мне 50 г очень дорогой языковой колбасы – 2 кружка с ярко-зелёными глазками фисташек. И из-за этой-то колбасы вышла небольшая история. У меня был товарищ детства, Котик. Вообще-то его звали Коля, но домашнее его имя было «Кот». Ну а мы все звали его Котик. Жили мы тогда в двухэтажной квартире в Доме Герцена на Тверском бульваре.

Играем мы как-то вечером с Котиком у меня наверху. Внизу на столе лежит пакетик с языковой колбасой. А мама с гостями – на кухне. Слышу, что кто-то вошёл в нижнюю комнату. Заглянула сверху и вижу: входит наша знакомая (учёная дама), которая очень любила покушать. Дама увидела пакетик на столе, развернула его, потом легла на диван и с удовольствием начала есть вкусную колбаску. Я почувствовала жгучее желание немедленно поделиться с кем-нибудь этим открытием. Я сказала: «Котик, хочешь, я открою тебе одну ужасную тайну?» Котик ответил: «Ну, ладно, открой». Я сказала: «Только ты дай мне честное Ленинское, что будешь хранить эту тайну до самой смерти». – «Ну,

ладно, честное Ленинское», – нехотя ответил Котик. Тогда я подвела его к лестнице и указала на даму, которая мирно лакомилась. «Знаешь, что она ест? – спросила я. – Она ест языковую колбасу с фисташками, которую мне принесла бабушка на завтрак». И тут с Котиком сделалось что-то невероятное. Он пришёл в неистовое возбуждение. Он бешено заскакал на одной ноге и заорал не своим голосом: «Меняю Ленинское на Сталинское! Зачем поела Наташину колбасу!!!»

И в бедную даму полетели сверху мои мишки, обезьяны и прочие игрушки…

Уже не помню, чем кончилась эта история. Но я была потрясена тем, что можно вот так просто поменять «Ленинское» на «Сталинское» и выдать «ужасную тайну».

Про моего дедушку

1. Дедушка-озорник

Я горячо любила своего дедушку. Он был не такой, как дедушки других детей. Он был учитель, но в то же время – немножко мальчишка-озорник. Он вполне разделял мою любовь к пиратам и их песням. Например, к таким: «Йо-хо-хо и в бочонке ром!» Ну, и к другим в этом роде. Как-то дед, бреясь, произнёс: «Какой же я сделался старый хрыч!» Мне это выражение понравилось, и я его запомнила, хотя и не очень-то поняла, что такое «хрыч».

И вот однажды, придя к дедушке и бабушке в гости, я первым делом вскарабкалась на кровать, где сидел дед, звонко хлопнула его по лысине и громко возгласила по-пиратски: «Здорово, старый хрыч!» Все присутствующие вознегодовали. Один дед был в восторге. Он ужасно хохотал. А я получила потом трёпку от мамы (боюсь, что и деду досталось за поощрение).

Один раз на даче мы с дедом нашли сокровище: целую кучу сушёных лягушек. Вероятно, какой-то водоём пересох, и они все погибли. Мы с дедом, естественно, не растерялись и набили все карманы этими лягушками. Моя мама почему-то не очень любила лягушек и мышей, она их боялась (больше, чем разъярённых быков, как мне кажется). Увидев, что мы принесли, мама рассердилась и велела нам немедленно вы-

бросить всё, что мы набрали. Но тут мы были тверды и ни за что не хотели расстаться с такой интересной находкой. Мы не хотели сделать ничего плохого, просто предложили маме подержать в руках хоть одну лягушку, чтобы убедиться, что она совсем не страшная. Кончилось тем, что мама побежала. А в нас с дедом проснулся древний инстинкт погони за убегающей дичью. Мама бегала по всему дому. Мы – за ней с лягушками в руках. Тогда она выпрыгнула от нас в окно. Потом мы образумились и помирились с мамой. Но лягушек всё-таки не выбросили.

2. Как мой дедушка обучал своих детей гигиене

В старину Новинский бульвар был не только названием улицы, это и вправду был бульвар. На площади даже была карусель. Особенно интересно на бульваре в праздники. Туда съезжались торговцы разных лакомств и игрушек. Вот как-то раз мой дедушка повёл на бульвар весь свой выводок – шестерых детей.

В одном месте сидел мужичок и торговал ярко раскрашенными кустарными игрушками. У детей разгорелись глаза. Тогда дедушка купил всем по игрушке. Дети, как водится, сразу же засунули игрушки в рот. Дедушка не возражал. Напротив, он даже сказал: «Оближите получше эти игрушки, дети, а потом я вам кое-что расскажу». И когда игрушки были добросовестно облизаны, дедушка сказал целую речь: «Дети, обратите внимание на руки этого мужичка, который продаёт игрушки. Вы видите, что они довольно грязные. И

знаете, почему? Я сейчас видел, что он выходил из туалета. И он не вымыл после этого руки. А потом он трогал эти игрушки грязными руками. А вы всё это облизали. Если это вам нравится, продолжайте всегда так делать!» Дети закричали хором: «Фу!» Мама говорила, что они, дети, запомнили этот урок навсегда.

3. Дедушка-учитель

Мой дедушка всё на свете знал, всё умел. Он лучше всех умел, например, очистить яблоко – одной тонкой красивой стружкой.

Чемоданы он перевязывал бечёвкой, «навсегда» завязывая узел (как говорила моя мама). Корицу он называл по латыни «канель» и посыпал ею свою простоквашу. Коровьи лепёшки дед называл: «пироги с вином».

Бабушка и дедушка Н. Касаткиной со стороны мамы. Москва. 1909

Поскольку он был учитель, он учил меня никогда не наступать на эти «пироги». А когда мы с ним ранним утром чистили зубы мятным порошком, он давал мне понюхать листок мяты. После чистки зубов дед неизменно вырывал из грядки две морковки и аккуратно чистил их перочинным ножиком. Это был наш завтрак. А потом мы шли гулять и заодно учиться.

Я во всём подражала деду. Он ложился на пригорке, и я ложилась. Он катился катком вниз, и я катилась. Оба мы оказывались в воде, в речке. И тут начинали брызгаться, плескаться. Вот был восторг! Учитель-дедушка на это время отсутствовал, прятался в кустах. Но ненадолго. Как только мы находили какого-нибудь кузнечика или жучка, дедушка показывал его мне и подробно выкладывал все свои познания о нём. Мы разглядывали разные травки, листья, цветы. И дед сообщал мне всё, что мог. Иногда находили интересную гусеницу. Одна, например, называлась «медведица». Она была большая и вся покрыта густой коричневой «шерстью». Самых интересных гусениц мы брали домой, поселяли их в домиках с дырочками. И у нас выводились из них «куколки». Кстати, дед хорошо знал, чем кормить гусениц, приносил им самые вкусные листочки. А потом из наших куколок выводились самые настоящие бабочки. Это было просто чудо! На-

ша собственная бабочка вылетала в окно и начинала жить самостоятельно. Мне кажется, всё, что я знаю о природе, все названия трав, цветов, бабочек – всё я получила в то незабвенное лето, что мы жили с дедом на даче.

В Москве над дедушкиной кроватью висела большая географическая карта. По ней мы с дедом изучали географию. Мы читали разные книги о путешествиях.

А карта помогала нам проследить путь тех, кто путешествовал. Так мы следовали по карте из Марселя в Африку и потом – по Африке, вместе с Тартареном из Тараскона (по книге Додэ). Позже, во время войны бабушка сшила мне из этой географической карты платье. Никакой материи тогда не было. И бабушка размочила карту, которая была наклеена на тонкую ткань – белую с чёрными крапинками. Получилось красивое платье, я его носила всю войну.

А однажды дедушка на меня серьёзно рассердился. Это было тогда, когда я разрисовала чернильным карандашом золотистую сосновую стенку на даче. Отмывая чернила, дед сурово внушал мне: «Никогда не порти чужих вещей. Свои – сколько угодно». Потом, видя, что я раскаиваюсь, дед дал мне кусок хлеба с мёдом и выпустил гулять. Но ко мне тут же подошёл огромный петух и спокойно отобрал хлеб. Наверное, он считал, что я недостаточно ещё раскаялась…

В Москве большое окно в комнате дед превратил в решётку. Он набил сверху донизу полочки и расставил там свои

горшочки с растениями и ярлычками.

А в углу рос необычного сорта виноград. Вернее, целое виноградное дерево, метра в три ростом. Какая-то редчайшая разновидность. Листья винограда были широкие, ярко-зелёные снизу. Для дедушки виноград был живым существом (так оно и было!), он очень любил его и даже разговаривал с ним. И вот, в то горестное время, когда у меня умер мой дедушка и его привезли из больницы домой, виноград сразу весь осыпался. Все его здоровые, сочные листья упали на пол. Остался один ствол. И что бабушка потом ни делала, как ни старалась, виноград погиб. Он тоже умер. Умер от горя по дедушке. Что ни говорите, а растения тоже умеют любить!

А сам дедушка умирал не грустя – как и жил. Он рассказывал больным в палате смешные истории о повадках обезьян. Все «умирали» со смеху. А дедушка прилёг и умер по-настоящему.

Конец

В те годы…

Что я знала тогда о смерти?

Пожалуй, ничего. Ведь то, что мы целое лето в Переделкине, куда наш детсад выехал на отдых, без конца хоронили жучков и бабочек, нельзя назвать знанием о смерти. Однако с завидным упрямством мы с моим другом Туриком Чернявским считали своим долгом закапывать всех погибших козявок. Со знанием дела (откуда оно было у нас?) мы клали наших «покойников» в коробочки на мягкие листики, закапывали их и украшали могилки цветами. Это была наша тайна. Мы с Тусей были неразлучны. Когда мы запаздывали на обед или ужин, из громкоговорителя на дереве неслось: «Туся и Натуся!» Нас связало это, может быть, нездоровое для нашего возраста дело. Мы искренне горевали о наших подопечных и потом навещали наши тайные могилки, меняли цветы на них.

После этого прошло два года. И в нашей семье произошли настоящие похороны: умер мой горячо любимый дедушка. Мама и бабушка не решались сказать мне об этом. Скрывали от меня также и арест отца. Меня удивляло то, что с некоторых пор мама всё время писала что-то и рвала на клочки написанное. И однажды я сложила вместе написанные строчки. То, что мне открылось, поразило меня. Это было письмо Сталину, просьба, мольба освободить из тюрьмы папу, уве-

рение, что он ни в чём не виновен…

И в нашей тихой квартире раздался отчаянный детский крик: «Мама! Мама! Так значит Сталин – обманщик!» Мама быстро прибежала ко мне, обняла и мы горько заплакали вместе. С этой минуты мы стали с ней как сёстры. Заодно уже мама сказала мне и о смерти дедушки.

На моих детских снимках есть изображения с брошкой, вернее со значком, который закалывал белый воротничок на шее. На значке лицо Сталина. Больше я этот значок не носила.

Один рубль

Один рубль – много это или мало? В моём довоенном детстве это была огромная сумма. Мама обычно давала мне в праздники один рубль. Сколько же можно было на него всего накупить! Обычно мы, девчонки и мальчишки с нашего двора, нарядные и чувствующие себя богачами, шли праздничным утром на Пушкинскую площадь. Сначала – глазели на демонстрацию, а потом начинали со вкусом тратить свои рубли. Соблазнов было великое множество. Кто в наше время знает, например, что такое «уйди-уйди»? А ведь это такая интересная штука! Надуваешь такой резиновый шарик через приделанную к нему деревянную дудочку. А когда воздух из шарика выходит обратно, то дудочка кричит: «уйди-уйди-уйди». Кричит до тех пор, пока весь воздух из шарика не выйдет. А ещё были китайские веера из бумаги. Ярко раскрашенные, затейливо сложенные, они поражали воображение своей фантастической красотой.

Потом были мячики на резинках. Пульнёшь в кого-нибудь этим мячиком, а он снова возвращается к тебе, так как он прицеплен к пальцу. Да мало ли что тогда продавалось!

И всё это можно было купить на наш рубль. Мятные леденцы «Театральные» стоили всего РЛ копейки. Дёшево стоили также «колёсики» мороженого. По бокам они были вафельные, а в серёдке – вкуснейшее мороженое. Не чета тепе-

решнему. Вафельные кружочки намазывали мороженым при нас, всё было свежее, а не лежало по холодильникам.

А ещё я очень любила покупать разные брошки и значки. Я нацепляла их на себя рядами, как ордена. Там были вперемешку: усатые лица вождей, разные физкультурники, бабочки, жуки. Иногда ещё я сверху надевала какие-нибудь стеклянные бусы. Словом, увешивалась, как индеец. А вечером, когда наши деньги подходили к концу, мы складывали все оставшиеся копейки и покупали одно общее эскимо. Шли домой и лизали по очереди это эскимо. Кутить – так кутить!

Бусы

В детстве у меня было особое пристрастие к бусам. У моей мамы была коробка с «драгоценностями». Там были разные пуговицы, бусины, камушки. Я очень любила раскатать все эти «драгоценности» по полу и любоваться ими. Мне нравилось также нанизывать разные бусины на нитку. Я нанизывала бусы всем в подарок.

Александр Никанорович Зуев. 1932

Для подарка папе я особенно старалась. Бусы вышли яркие, пёстрые и очень длинные. Но папа как-то не оценил мои труды. Он сказал, что не очень любит носить бусы. Я, конечно, огорчилась. Тогда папа сказал, что вообще-то он иногда сможет поносить эти бусы дома. Вот он как-то и надел мои бусы. Но, к сожалению, он забыл их снять перед уходом. А шёл он на собрание в Союз писателей. Он спешил и надел пальто, не посмотрев, что было под ним. Вот и вышло, что он из-за этих бус попал в дурацкое положение. Пришёл папа домой очень сердитый и больше уже он моих бус не надевал.

Чудо

Я красотой цветов
Пленяться не устал.

Японская поэзия

У нас в тот день были гости. Но мне было не до них. Я прибежала домой страшно возбуждённая. «Мамочка! – закричала я, – у Никитских ворот продаются нарциссы! Дай мне, пожалуйста, один рубль, мне так хочется купить хоть один цветок!» Мама дала мне рубль, и я побежала. Тогда это была большая редкость: среди зимы и вдруг: живые цветы!

Вернувшись, я искала в шкафу подходящую вазочку, чтобы поставить драгоценный цветок. Один из гостей с доброй улыбкой смотрел на меня. Он спросил: «Ты так любишь цветы, девочка?» Я сначала даже не слышала вопроса, так я была возбуждена. Гость спросил снова: «Ты так любишь цветы?» Наконец, я ответила: «Да, да, очень, я очень люблю!» Гости посидели ещё немного и разошлись. А мы легли спать.

На следующий день случилось неожиданное. К нам пришёл какой-то человек с большим свёртком, завёрнутым в несколько слоёв бумаги, и сказал, что должен передать посылку «в собственные руки» Наталии Александровне. Я ещё была мала, чтобы так торжественно называться. Однако, по-

хоже, что посылка была мне. Я расписалась и развернула бумаги. Под ними было настоящее чудо: большой букет пионов, белых и розовых!

Мы предположили, что цветы прислал вчерашний гость – немецкий художник Шиман. Ведь он спрашивал, люблю ли я цветы. Но Шиман не признавался. И всё-таки мы решили, что это он. Он был склонен «творить чудеса», был добр и великодушен.

Чудо, которое он сотворил для меня, я помнила всю жизнь и радовалась ему. Но это не значит, что я предала свой нарцисс, одиноко стоявший в узенькой китайской вазочке. Нет, нет, он был мне по-прежнему дорог и мил, как и каждый цветок, который цвёл в нашем доме.

Мы едем к папе

По огромной зелёной чаше к верхнему её краю медленно и осторожно ползёт гусеница. Гусеница – это наш поезд. Я смотрю с высоты верхней полки, и восторгу моему нет конца. Я выбрасываю из окна край лёгкого газового шарфика. Он летит, колышется, совсем как флаг на ветру… Красное на зелёном, как красиво! Поезд резко останавливается. К нам в купе вбегают какие-то сердитые усатые дядьки в форменных куртках. Оказывается, мой «флаг» скомандовал машинисту: «Стоп!» Дядьки меня стыдят. Мама ругает. Мне очень стыдно.

Мой восторг угас. Я скромно утыкаюсь в «Два капитана» Каверина. Мама на нижней полке читает «Гроздья гнева» Стейбека.

У меня красный шарф, у мамы – голубой. Это от солнца. Ведь в тайге будет жарко. Недавно мама сказала мне: «Теперь ты большая. Значит, тебе можно доверить большую тайну…» Оказывается, наш папа вовсе не в длительной командировке, а арестован. По ошибке. И нам разрешили приехать на свидание с ним. Вот мы и едем. Папин адрес: Красноярский край, станция Решёты, почтовый ящик № 235/10.

Наверное, Решёты – это такие большие решетки, за которыми живёт теперь наш папа. А ящик, наверное, огромный. Ведь мама каждый день пишет письма и открытки, чтобы

поддержать папу. Мама, наконец, нашла через знакомых хорошую работу, и мы накупили много продуктов для папы. В окне опять интересное: серебристое море. Это – ковыль в степи. Так красиво перекатывается под ветерком это море. И так хороши здесь закаты солнца! Всё другое, чем в душной Москве. Свобода!

Когда папа уехал, мне было шесть лет. Теперь мне девять. Мой папа был писатель, он работал дома. А мама все дни бегала по редакционным заданиям. Она была журналист. Кроме того, мама писала о театре (она училась у Мейерхольда). Часто вечерами мама уходила смотреть спектакли. Она старалась уйти тайно от меня, иначе не миновать было рёва.

Папа подрабатывал редактурой. У него в кабинете копились стопки чужих рукописей. А кабинет был чудесный. Он был на втором этаже, а мы с мамой жили на первом. Между этажами была винтовая деревянная лестница, по которой я вечно лазила вверх и вниз. Бывало, мама скажет: «Зови-ка отца обедать». И я уже ползу на четвереньках вверх и кричу: «Отецы, обедать!» У папы наверху стоял высокий старинный бронзовый светильник. Ещё была фисгармония карельской берёзы. Папа любил петь и аккомпанировал себе на фисгармонии.

Помню вот это:

А как лёг в могилу Стах,
Ветер песни пел в кустах,

Зашумела рожь по полюшку
Про кручину, про неволюшку…

Вот она теперь и пришла, эта неволюшка. Да и кручина тоже.

Папа курил трубку. У него было много разных трубок, даже восточные кальяны. Он любил собирать старину. А до чего хорош был письменный стол-секретер! Папа называл его: «Екатерининский». Так интересно было открывать множество ящичков. Некоторые были потайными, секретными – недаром стол назывался «секретер». Вместо утраченных ручек ящичков были янтарные бусины. Они поблескивали, и всё в комнате поблескивало и переливалось. Мягкий свет светильника и дым трубки делали все предметы в комнате сказочными, ненастоящими. Дым от трубки был душистый. Папа курил хороший табак. На шторах персидского ситца повторялся один и тот же рисунок. Персидский шах сидит в чалме на длинной, округлой подушке. А вокруг него склонились невольницы. Одна предлагает ему фрукты горкой на блюде. Другие играют на музыкальных инструментах. И так красиво звучал папин голос, когда он пел иногда «Персидскую песню»: «О, если б навеки так было…» Мирные картины детства! Если бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.